

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Сидорова Ирина Александровна

студентка

Радь Эльза Анисовна

д-р филол. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

МИФОПОЭТИКА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА»

Аннотация: в данной статье рассматривается романтическая повесть Гоголя, в которой актуализирован мифопоэтический аспект изучения, чему способствовал структурно-семантический подход анализа художественного текста, результатом которого стали собственные читательские наблюдения, представившие архетипический образ мира.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, мифологема, образ мира, сюжет, трансформация, демонические силы.

Сюжетно-композиционный уровень повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» (1830) представляет собой синтез различных историко-генетических источников и обнаруживает черты мифа о сотворении мира, богомильского мифа, волшебной сказки и прочих народных верований, претерпевших определенные трансформации в сюжете.

Согласно концепции В.Я. Проппа [3, с. 30], волшебное царство, «чужой» мир, в котором происходит преодоление препятствий, поставленных Левко его отцом, рассматривается как мир мёртвых. Там же герой встречается и со своим будущим «помощником». Знаковым для мира мертвых является «темный лес», о котором говорится в первой главе в диалоге двух влюблённых [2, с. 45]. Потусторонний лес, содержащий два мистических локуса: пруд и дом на горе – от-

крывается читателю как связанный с демоническими силами, но кое-где имеющий отношение к божественному. Обратим внимание на слова Ганны: «Как бессильный старец, держал он [пруд] в холодных объятиях своих далёкое, тёмное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звёзды, которые тускло реяли среди тёплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блестательного царя ночи» [2, с. 45]. Знаковые слова «старец», «холодные объятия», «ледяные поцелуи» указывают на мертвенностъ пруда, отсутствие в нём родового/натального компонента. Образ старца имеет, на наш взгляд, негативную коннотацию: представитель мужского пола в преклонном возрасте не способен к деторождению. Тем не менее, нельзя не упустить из виду то, что образ, с которым проводится сравнение, проявляет сексуальную энергию: в объятиях он обсыпает поцелуями небо. И этот факт, и появление «царя ночи», то есть месяца на небе, можно рассматривать и с позиций мифопоэтики, и с позиций сюжетно-содержательного плана повести. Истинным «царём», победителем демонических сил, оказывается Левко, а его отец, прозванный Головой, претерпевает поражение в борьбе за сердце Ганны. Не случайно пейзажные зарисовки отражают космогонический акт в перспективе развития действий Левко. В той же главе, в следующем пейзаже, появится образ месяца, вырезывающегося из земли, при разлуке Ганны и Левко.

Нельзя забывать и о том, что пруд – это место, где обитают русалки, которые имеют демоническую природу и слывут в народе как нечисть. «По суеверному сказанию, они, подобно другим физическим мифам, обязаны своим происхождением падению Сатаны, при коем одни из его единомышленников попали в воду...» [4, с. 396]. Важным их свойством становится не только оторванность от бога, но и мёртвая основа, отсутствие текногонических признаков. Отсюда оказывается логичным и противопоставление холодного пруда и тёплого неба как обители Бога-Творца.

Слова Ганны из того же разговора: «Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес, обнимая своей тенью, бросал на

него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду» [2, с. 45]. Несмотря на то что дом находится на горе, наиболее приближенном расстоянии к Богу, он не является централизованной точкой мира (космологизированным центром становится село на возвышении из посюстороннего мира). Гора и расположенный на ней дом оказываются антицентром. Отражённый в водах пруда дом, «опрокинувшись вниз» [2, с. 61], реконструирует мифологему горы как входа в нижний мир [5, с. 25].

Однако в описании ветхого, покрытого мхом дома на горе выделяется такая деталь, как плодоносящая яблоня, растущая возле дома. Во-первых, сразу возникает дихотомия «старость-молодость», которая соотнесена с героями-антагонистами Левко и Головы. Также, образ яблони аллюзирует к райскому саду, который раскрывает возможность панночки-русалки на спасение души. Вспомним пожелание ей Левко: «Дай тебе Бог Небесное Царство...» [2, с. 65]. Русалка получает освобождение от ведьмы, которая была владычицей этого тёмного мира.

В образе Головы, избавление от власти которого получают герои-влюблённые, изначально скрываются демонические свойства. На его принадлежность «тёмной стороне» указывает такая черта, как одноглазость: «одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку» [2, с. 50]. Здесь важное значение имеет прозвище героя – «Голова». Собственное имя Головы читатель узнает только в последней главе, рисующей некоторое «очеловечивание» персонажа. К тому же, хата Головы находится «в конце улицы», а именно – на периферии мироздания, что указывает на причастность героя хаотическим, разрушительным силам.

Вайскопф отмечает, что Гоголь вложил в «Вечера» «богомильский сюжет о сатане, превратившемся из творца мира в его захватчика» [1, с. 103]. «Одноглазый Сатана» [2, с. 59] – Голова – пытается захватить не только Ганну, но и мир вообще (здесь уместно вспомнить пруд, «держащий в своих объятиях» далёкое небо). Дьявольский похититель получает демиургические черты, только со знаком «минус» (как и чёрт в «Ночи перед Рождеством»), пытаясь устроить свой миропорядок.

«Восстанавливать утраченное миром единство – значит построить мир так, чтобы в нем просто не осталось места для разъединителя-черта» [6, с. 34]. Гармония воцаряется в природе («Так же торжественно дышало в вышине», «*божественная ночь*» (курсив наш. – С.И., Р.Э.) [2, с. 65], герои сходятся, и «дьявол» побеждён. Однако автор оставляет в конце повести мысль о том, что хаотические силы всегда будут наготове вступить в борьбу с миром. «Счастливое разрешение конфликта в «Майской ночи» скрывает в себе иронию: несмотря на вышеупомянутое «исправление» Головы, его нелепая власть, заново санкционированная запиской комиссара, пугающие перекликается с загробным владычеством русалки-ведьмы. Последняя «играет в ворона», а игра заключается в похищении «цыплят». Голова, стилизованный под хищную птицу (орел, сокол), в конце повести отдает приказ: «чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыпленку» [1, с. 162]. Мировую тишину и покой прерывает и лай собак, напоминающий нам о возможных угрозах вселенной.

Таким образом, в повести с использованием мифологем и демонических образов создается архетипический образ гармоничного и одновременно дисгармоничного мира, ставший в ранний период творчества и ценностным, и художественно-эстетическим ориентиром Гоголя.

Список литературы

1. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст [Текст]. – 2-е изд., испр. и расшир. / М.Я. Вайскопф. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. – 686 с.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н.В. Гоголь. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. – 175 с.
3. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки [Текст]. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
4. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды [Текст] / И.М. Снегирев. – М.: Кучково поле; Специализированный детско-юношеский центр спортивных единоборств, 2011. – 544 с.

5. Тулякова Е.И. Категория центра мира в мировоззрении раннего Гоголя [Текст] / Е.И. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №364, – С. 22–25.
6. Турбин В.Н. Герои Гоголя [Текст]. – М., 1983.